

УДК 81'37; 81'38
DOI 10.17223/19986645/24/2

О.В. Орлова

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ СТИЛЯ И ДИСКУРСА
В ЛИНГВИСТИКЕ НАЧАЛА XXI в. В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ
М.Н. КОЖИНОЙ**

Статья посвящена анализу сложившейся в современной лингвистике проблемной ситуации, связанной с нерешенностью вопроса о соотношении понятий стиля и дискурса. Развивая идеи М.Н. Кожиной и ее последователей, автор доказывает, что функциональный стиль и дискурс представляют собой две фундаментальные категории, по-разному членищие коммуникативное пространство.

Ключевые слова: функциональный стиль, дискурс.

Сегодня с очевидностью можно констатировать, что проблема соотношения понятий стиля и дискурса в отечественной лингвистике актуальна как никогда и крайне далека от однозначного решения. В то же время неопределенность позиций по данному вопросу порождает необходимость возвращаться к нему при изучении текстов различных дискурсивных практик в русле разных направлений, в частности в лингвоконцептологии (см., например: [1, 2]).

Попытки определить онтологический и гносеологический статус двух на первый взгляд конкурирующих понятий предпринимаются с начала 1990-х гг., когда термин «дискурс» молниеносно вторгся в научный контекст, что привело к так называемому «дискурсивному повороту» [3] не только в отечественной филологии, но и в гуманитарной области в целом [4, 5].

Специалист по теории дискурса В.И. Карасик считает, что «термин «функциональный стиль» относится... к числу наименее удачных терминов в лингвистике» [6], видимо, намекая на дальнейшую нецелесообразность его употребления. В то же время Е.В. Чернявская в категорической форме заявляет: «Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [7. С. 94].

В 1995 г. выходит работа Ю.С. Степанова «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности», в которой отчетливо звучит мысль о тесной близости двух понятий: нового заимствования и традиционного термина: «Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой – «дискурс», заключалась в особенностях национальных

лингвистических школ, а не в предмете. <...> В англосаксонской традиции не было ничего подобного прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. Англосаксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции – как к особенностям текстов. «Дискурс» в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [8. С. 35].

Подробное освещение известной работы «франко-швейцарского лингвиста и культуролога Патрика Серио «Анализ советского политического дискурса» («Analyse du discours politique soviétique», Paris, 1985)» [Там же. С. 37] (труды П. Серио будут представлены на русском языке несколько позже, в частности в сборнике статей «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса») приводит ученого к справедливому выводу о том, что «дискурс не может быть сведен к стилю». Здесь очень важно употребление Ю.С. Степановым предиката *не может быть сведен*, т.е. дискурс не сводим к стилю, шире или объемнее стиля.

Как видим, ставя актуальный вопрос о соотношении понятий стиль и дискурс, ученый делает лишь предварительные шаги к его решению. Но уже следующее утверждение: «И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, – в настоящее время уже не является адекватным» [Там же. С. 40] – не кажется нам правомерным, поскольку именно в лоне стилистики в отечественной науке зародился функциональный подход как таковой. В работах представителей авторитетной пермской школы функциональной стилистики мы наблюдаем успешные образцы построения гармоничного научного диалога – диалога концепций, позиций, а также поиска объединяющего и различающего, общего и индивидуального в двух фундаментальных теориях функциональной лингвистики.

В 2003 г. выходит ставший настоящим событием для лингвистической общественности «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной. В рецензии на данное издание С.Л. Мишланова отмечает, что вследствие представленного в литературных источниках мнения о дублетности понятия дискурс, присущего западно-европейской и американской лингвистике, и понятия стиль, разработанного отечественной функциональной стилистикой, эти понятия «практически не встречаются в рамках одного издания». Неоспоримым достоинством словаря рецензент полагает сопоставление в «специализированном (узкоспециальном) лексикографическом издании понятий функциональный стиль, дискурс, дискурсивный анализ» [9. С. 370].

Позже М.Н. Кожина посвящает соотношению дискурсивного анализа и функциональной стилистики отдельную статью [10] и целый раздел изданного в 2008 г. учебника «Стилистика русского языка» [11]. Рассмотрим ведущие положения позиции ученого (далее слова М.Н. Кожинной приводятся по кн.: [11. С. 189–201]).

Постулируя «связь признаков дискурса с функциональным стилем» – «термины-понятия дискурс и функциональный стиль в истории лингвистики шли, так сказать, рука об руку, и, очевидно, не случайно», М.Н. Кожина констатирует: «Эти термины-понятия нельзя отождествлять». Размежевание по-

нятий исследователь проводит на основе анализа путей и отправных точек развития базовых концептов французского и отечественного речеведения. Она отмечает, что понимание дискурса зарубежными коллегами (П. Серио, М. Фуко) опиралось на определение формации, было «насквозь социально-историчным»: «Как хорошо высказался немецкий лингвист У. Маас, дискурс – это выражение соответствующей языковой формации “по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике”».

В то же время «если сопоставить с этим один из основных экстралингвистических факторов функционального стиля, определяющих его, – формы общественного сознания, – то оказывается, что этот фактор более высокого уровня обобщения, чем формация (несмотря на разнородность явлений), и, кроме того (что немаловажно!), непосредственно связан с языком».

Отмеченная здесь разность исходных гносеологических базисов двух теорий позволяет выделить такую их, этих теорий, немаловажную дифференциальную черту, как различный потенциал систематизации, стратификации и классификации.

Сравним следующие высказывания.

«Опора на этот базис позволила функциональной стилистике представить достаточно стройную систематизацию изучаемых объектов: функциональных стилей, подстилей, жанров и т.д., включая как макростилевую, так и внутрисклассификационную аспекты и в целом полевую структуру функционального стиля (с учетом центра, периферии и межстилевых влияний и зон)», тогда как «какая-либо общая систематизация дискурсов, дискурсивных формаций нам неизвестна, да и вряд ли она возможна».

«Выше было отмечено различие исходных, базовых факторов: с одной стороны, дискурсивные формации (на основе понятия общественных формаций и идеологии) – в теории анализа дискурса, с другой – формы общественного сознания (в функциональной стилистике). А это, в свою очередь, серьезно сказывается на внутренней и внешней систематизации (классификации, типологизации) изучаемых объектов – дискурсов и функциональных стилей, о трудностях которой применительно к анализу дискурса упоминалось выше и будет сказано далее <...> Вместе с тем в функциональной стилистике – достаточно ясный принцип деления речевого пространства».

Обобщим и разовьем важные положения, выдвинутые основателем отечественной функциональной стилистики:

- дискурс и стиль – смежные, параллельно существующие, но не тождественные, а разнородные, разнорядковые понятия двух «близких речеведческих дисциплин»;

- дискурс в своей онтологической детерминации восходит к формации, функциональный стиль – к формам общественного сознания, вследствие чего дискурс приобретает такие качества социальной формации, как фокусированная привязка к определенной общественной практике, прямая социальная и историческая обусловленность, «революционность», подвижность, динамичность, изменчивость, процессуальность, ситуативность, тенденция к множественной вариативности речевых манифестаций; в то время как стиль приобретает такие свойства форм общественного сознания, как типизация неопределенного множества отдельных общественных практик в объективно

ограниченное количество форм общественного сознания, косвенная социально-историческая обусловленность, «эволюционность», стабильность, тенденция к инвариантности речевых манифестаций;

- теория функциональных стилей предлагает непротиворечивую и достаточно стройную общую систематизацию своего объекта (стили, подстили), теория дискурса – множественность отдельных классификаций по различным основаниям.

Итогом глубоких лингвофилософских размышлений М.Н. Кожиной становится безусловное признание, во-первых, теоретико-методологической близости анализа дискурса и функциональной стилистики; во-вторых, явной тенденции к их дальнейшему сближению; в-третьих, неснятой дискуссионности вопроса об их соотношении.

Необходимо отметить, что современные речеведческие исследования наглядно демонстрируют устаревание по отношению к терминам-понятиям стиль и дискурс принципа дополнительной дистрибуции (уже упоминаемой ранее невстречаемости «в рамках одного издания» [9. С. 370]) и осознание необходимости замены разделительного ИЛИ между ними соединительным И, дальнейшей невозможности оставить понятие дискурс во владениях дискурсного анализа, а функциональный стиль – функциональной стилистики. Однако до решения вопроса о том, чем по отношению друг к другу выступают данные категории – антонимами, дублетами, синонимами, гиперонимом и гипонимом, согипонимами, пока далеко.

Описываемая теоретико-методологическая лакуна до сих пор приводит к некоторой эвристической растерянности, поскольку в каждом отдельном даже сравнительно небольшом и специализированном исследовании авторы вынуждены заново описывать свое видение проблемы. Например, И.Н. Шукина в статье «Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова)» [12] отмечает: «С одной стороны, долгое время дискурс определялся многими исследователями как «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), т.е. текст, рассматриваемый во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, сопутствующими его порождению... В этом случае дискурс соотносится со стилем как часть с целым: так, «политический дискурс» или «педагогический дискурс» функционируют в рамках официально-делового стиля (первый) (Данное утверждение весьма спорно! – О.О.) или научно-учебного подстиля (второй). С другой стороны, часть российских ученых либо не ставят перед собой задачи установить взаимоотношения этих двух понятий, либо дискурс полагают синонимом стилю».

Однако далее исследователь на основе анализа религиозной речи приходит к выводу, что «жанры различных стилей... созданные истинно верующими людьми, отличаются некоторыми особенностями», а именно: отсутствием нелитературной, грубой оценочной лексики и представленностью средств гармонизации текста, наличием «высокой» лексики в большем количестве, чем в сравниваемых жанрах, созданных атеистами». Эти весомые аргументы приводят к справедливому заключению: «Такое положение дел дает возможность предположить, что дискурс и стиль в своей взаимосвязи соотносятся по

иным параметрам, даже, может быть, стоит подумать о том, что в таком случае религиозный дискурс... понятие более широкое, чем функциональный стиль».

В итоге вполне очевидным следствием изучения рассмотренных выше разделенных 15-летием статей Ю.С. Степанова [8] и И.Н. Щукиной [12] становится положение о том, что дискурс и стиль не одно и то же, и предположение, что дискурс не сводим к стилю и, вероятно, шире стиля. Отсюда вопрос: какими отношениями связаны эти категории – отношениями атрибуции, включения, пересечения, гиперо-гипонимическими? Шире – это значит, что дискурс состоит из стилей, или что стиль – составляющая дискурса, или что стиль – признак дискурса?

Дело в том, что такими отношениями могут быть связаны единицы одной субстанциональной природы, одного онтологического порядка, принадлежащие одной системе мер. Однако восприятие дискурса и стиля как однопорядковых категорий приводит лингвистов к очевидным логическим противоречиям даже в пределах одного исследования.

Так, Н.Л. Моргун в диссертационной работе «Научный сетевой дискурс как тип текста» отмечает, что «теоретическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в изучении специфики научного сетевого дискурса как одной из жанровых разновидностей научного стиля текста» [13. С. 5]. Иными словами, дискурс воспринимается как разновидность научного стиля (понятие жанра в целях обеспечения «чистоты эксперимента» пока опустим). Затем, выделяя категории дискурса, обозначенные как системноприобретенные, исследователь в качестве таковых определяет «такие лингвистические параметры, как... стилевая и жанровая принадлежность» [Там же. С. 7]. Таким образом, по мысли автора, дискурсы – это разновидности стиля / стилей и эти сущности связывают родо-видовые отношения, но одновременно стиль является отдельным лингвистическим параметром дискурса, его атрибутом, признаком, свойством.

В статье «Научные стили речи в компьютерном дискурсе» [14] тот же ученый в соавторстве с научным руководителем сначала с помощью генитивного атрибута (стиль дискурса) позиционируют атрибутивную корреляционную соотнесенность: «Научный стиль компьютерного дискурса – это тот же самый функциональный стиль языка науки... но обогащенный электронными средствами связи», – видимо, метонимически подразумевая под обогащением стиля электронными средствами связи обогащение его, стиля, коммуникативного инструментария и функциональных возможностей. Далее авторы выделяют «отраслевые подстили», из которых состоят «стилистические разновидности языка науки в компьютерной научной коммуникации» (т.е. «стилистические разновидности... состоят из подстилей»). Но по ходу развертывания данного тезиса подстили выступают уже как разновидности / компоненты дискурса, следовательно, на подстили членится уже дискурс: «научно-деловой подстиль компьютерного дискурса», «подстили научного компьютерного дискурса». Между стилем и дискурсом, таким образом, устанавливаются отношения если не тождества, то однопорядковости, так как они оба состоят из подстилей.

Подобную терминологическую, а следовательно, и теоретико-методологическую неразборчивость Е.В. Чернявская склонна связывать с «ложным пафосом новизны при оперировании термином дискурс», приводящим «часто к тому, что дискурс используется параллельно или вместо функциональный стиль». Специалист выражает «удивление по поводу безудержных неофильских оценок и настроений, обьявивших дискурс и дискурсивный анализ новым исследовательским объектом. Во многом это тот случай, когда новое название стало монтироваться с уже известным содержанием, создавая для не критичного ума эффект квазиновизны» [7. С. 91].

Думается, что подобных методологических казусов можно было бы избежать, последовательно применяя в речеведческих исследованиях описанные несколькими страницами выше обозначенные М.Н. Кожинной положения о принципиальной нетождественности, разнопорядковости, разноприродности двух понятий, изначально восходящих к различным по бытийно-сущностным свойствам категориям (общественной формации и формы общественного сознания).

Значительный мировоззренческий рывок в эволюционном развитии данных идей М.Н. Кожинной делает В.Е. Чернявская в совсем недавно опубликованной работе «Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно?» [7]. Постулируя неоспоримую общность методологического принципа, «лежащего в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов» – «ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического», В.Е. Чернявская полагает, что «категория дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем».

Если «фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого» – формы общественного сознания, то для дискурса «делимитирующий критерий иной: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании дискурсов может быть бесконечно много <...> в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. <...> Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми – фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много» [Там же. С. 92–94].

Итак, продолжая развивать идеи М.Н. Кожинной о соотношении понятий стиля и дискурса, можно говорить о том, что демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи – в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи – во втором.

Литература

1. Орлова О.В. О когнитивно-стилистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к изучению концептов // Сиб. филол. журн. 2009. № 2. С. 206–213.
2. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
4. Кожемякин Е.А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований // Гуманит. и соц.-экон. науки. 2008. Вып. 2. URL: <http://gsen.pi.sfedu.ru/articles2008/issue2/2-2a.pdf>
5. Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2010/n1/index.shtml>
6. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>
7. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011. № 3. С. 86–95.
8. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. М., 1995. С. 34–72.
9. Мишланова С.Л. Рец. на кн.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с. // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Пермь, 2004. С. 365–377.
10. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–33.
11. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
12. Шужина И.Н. Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова) // Медиаскоп. 2011. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/776>
13. Моргун Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 20 с.
14. Фролов Н.К., Моргун Н.Л. Научные стили речи в компьютерном дискурсе // Мир ПК. 2004. № 4. URL: <http://frgf.utmn.ru/Nol7/textlO.htm>